

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-376-390
EDN: HVGNNP

**ОБРАЗ ОТЦА
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А.П. КЕШОКОВА**

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. Предметом анализа в представленной статье стали способы изображения отца в автобиографических произведениях А. П. Кешокова – в повести «Вид с белой горы» и рассказе «Чье стремя мы держали». Поставлена цель проследить за тем, как способы показа конкретной личности сообщают о ее ценностных ориентирах, и как отличия в способах ее изображения на разных художественных полотнах проявляют смену ценностных ориентиров самого художника. Проведенные сопоставления позволяют говорить о том, что в повести «Вид с белой горы» автор затрагивает события из биографии Пшемахо Кешокова лишь по касательной. Представив развернутую экспозицию жизни отца в главе «Фамилия», автор отклонится от нее лишь раз. На контрасте с повестью короткий биографический отрезок, воссозданный в рассказе «Чье стремя мы держали», успевает переставить ряд ценностных акцентов в истории отца, показать трагедию его жизни. В рассказе по-иному звучит «исламская» тема, иначе предстает картина старости Пшемахо Кешокова, его судьба вписывается в иной ценностный ряд – туда, где звучат имена Пшикана Шекихачева, Туты Борукаева, Ибрагима Глигурова. Годы издания обоих произведений дают основание для выводов о ценностных ориентациях писателя.

Ключевые слова: Алим Кешоков, Пшемахо Кешоков, автобиографическая проза, образ, ценностная система, образ, эпоха.

Для цитирования: Кажарова И.А. Образ отца в автобиографической прозе А.П. Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 376-390. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-376-390. EDN: HVGNNP.

© Кажарова И.А., 2022

Original article

**THE IMAGE OF THE FATHER
IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF A. P. KESHOKOV**

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The subject of analysis in the present article is the ways of depicting the father in the autobiographical works of A.P. Keshokov - in the story «View from the White Mountain» and the story «Whose stirrup we held». The goal is to trace how the ways of displaying a particular personality inform about its value orientations, and how the differences in the ways of its depiction on different artistic canvases show a change in the value orientations of the artist himself. The comparisons made allow us to say that in the story «View from the White Mountain» the author touches upon the events from the biography of Pshemakho Keshokov only tangentially. Having presented a detailed exposition of his father's life in the chapter «Surname», the author deviates from it only once. In contrast to the story, a short biographical segment, recreated in the story «Whose stirrup we held», rearranges several value accents in the father's story, to show the tragedy of his life. In the story, the «Islamic» theme sounds differently, the picture of Pshemakho Keshokov's old age appears differently, his fate fits into a different value range - where the names of Pshikan Shekikhahev, Tuta Borukaev, Ibragim Tligurov sound. The years of publication of both works give grounds for conclusions about the value orientations of the writer.

Keywords: Alim Keshokov, Prshemakho Keshokov, autobiographical prose, image, value system, image, era.

For citation: Kazharova I.A. The image of the father in the autobiographical prose of A.P. Keshokov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – P. 376-390. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-376-390. EDN: HVGPNP.

© Kazharova I.A., 2022

Нас интересует эволюция одного из образов, фигурирующих в автобиографической прозе Алима Кешокова. Бесспорно, для него он из числа особо дорогих, ибо это его отец, Пшемахо Мурзабекович Кешоков (1877–1937). Мы рассмотрим подробности его отражения в повести «Вид с белой горы» (1973) и в рассказе «Чье стремя мы держали» (1989). Оба сочинения основаны на личных воспоминаниях писателя. Причем рассказ невольно побуждает перечитать повесть, поскольку перекликается с ней, добавляя живые штрихи к портретам и событиям противоречивой эпохи, на которую пришлось становление Алима Кешокова. Так возникают сопоставления, а с ними и размышления о ценностном подтексте того, к чему автор посчитал нужным вернуться спустя годы после опубликования повести.

В картине политической и культурной жизни раннесоветской Кабардино-Балкарии личность Пшемахо Кешокова одна из наиболее колоритных, тем не менее, пишут о нем редко. Не считая произведений его сына, Алима, из всего, что сказано о нем, и при этом не тяготеет к повтору ранее известного, можно назвать материалы, опубликованные Е. М. Машитловой в книге «Первые писатели Кабарды» [Первые... 1968: 115–119], статью А. Х. Хакуашева о публицистике П. Кешокова [Хакуашев 1989: 54–61], подкрепленную авторитетными ар-

живными данными статью Н. А. Бальжатовой^{*}, и основанную на воспоминаниях детей и односельчан П. Кешокова газетную публикацию журналиста Луизы Оразаевой [Оразаева 1989]. Ссылаясь на эти и другие источники, художественные в том числе, мы будем анализировать способы изображения Пшемахо Кешокова в упомянутых повести и рассказе.

Со временем писателю могут вспомниться важные подробности того, что однажды было им запечатлено в автобиографическом произведении. Вместе с тем не остаются неподвижными его аксиологические представления, и, если он берется за очередное автобиографическое сочинение, вероятней всего, чувствует потребность переменить ракурс изображения лиц и событий. И образы самых близких людей, конечно, не составляют в этом исключения.

Избрав предметом анализа отражение личности, значимой в собственной истории писателя и в истории социума, мы ставим цель проследить за тем, как способы показа конкретной личности сообщают о ее ценностных ориентирах, и как отличия в способах ее изображения на разных художественных полотнах проявляют смену (или эволюцию) ценностных ориентиров самого художника.

Человек с духовным образованием, Пшемахо Кешоков будучи уже вполне сложившейся личностью (на момент Октябрьской революции, с которой начинается отсчет новой эпохи, ему 40 лет) оказался на стыке двух совершенно противоположных миров. Он формировался и совершенствовался в рамках одной системы ценностей, но без колебаний выступил навстречу новой, и проявил себя в ней очень весомо, несмотря на ее двойственность, в которой ему довелось убедиться не раз.

Два автобиографических произведения, о которых идет речь, при всех своих событийных переключках подчиняются разным «конвенциям мира» (Е. Фарино), воссозданного в них. Если повесть «Вид с белой горы», разворачивая сложные и многообразные события руководствуется логикой постепенного продвижения к светлому будущему (которое ближе к финальным главам принимает вид умиротворенного настоящего), то рассказ – это возвращение к некоторым из этих событий с намерением высказать то, что в период написания повести желательно было привести в гармонию с официальной точкой зрения или же вовсе обойти молчанием. «Здесь словно открываются глаза (автобиографического «Я» и читателя) на подоплеку тех трагических событий, которые оставались для автора неясными в годы юности, либо попросту не попадали в поле его внимания» [Кажарова 2022: 205]. В ограниченных рамках рассказа «Чье стремя мы держали» Алим Кешоков успевает затронуть многое – трагедию раскулачивания, Баксанские события, борьбу за власть и «логику» уничтожения неугодных ей, переписывание истории, судьбу адыгского языка, судьбу интеллигенции Кабардино-Балкарии и «особое внимание» к ее исламски образованным представителям. В этом потоке болезненных тем он вновь обращается к истории своего отца. Описывает его последние дни, словно стараясь завершить то, что читателю было известно из повести.

^{*} Документы УЦГА КБР о Кешоковых // Druzya.Com Сайт музыки регионов Кавказа. URL: <http://druzya.com/documenty-ucga-kbr-o-keschokovyh.html> (дата обращения: 18.11.2013)

Рассматривая отражение личности Пшемахо Кешокова в повести «Вид с белой горы», стоит начать с того, что речь о нем начинается с главы «Фамилия», и по мере дальнейшего развития событий автор несколько раз возвращается к нему. Первоначально его имя появляется в контексте истории рода Кешоко, ближайших предков и потомков Пшемахо. Основные этапы его биографии предстают наподобие развернутой экспозиции: становление, свершения, мечты и реальность, долгая жизнь в памяти сельчан. По сути, в главе «Фамилия» Алим Кешоков успевает пересказать основное в судьбе своего отца, и в последующем повествовании к этому будут прирастать лишь некоторые подробности.

Можно заметить, что история жизни Пшемахо условно поделена в этой главе на периоды до и после установления советской власти в Кабарде. «До» – в сжатом, но от этого не менее примечательном изложении, «после» ведет отсчет с 1917 года, освещает Пшемахо в новом миропорядке и завершается мирной картиной его старости. И еще «после» будет детализироваться на всех остальных страницах повести, где встречается Пшемахо. (Кстати, случаи, где он упоминается по имени, единичны, в большинстве эпизодов писатель называет его «отец», тем самым даже на уровне номинации удерживая ощущение тесноты душевной связи с ним).

Дореволюционная пора жизни Пшемахо Кешокова в основном сосредоточена на его образовании. Причем автор ненавязчиво дает понять, что конфессиональный уклон его возник по воле обстоятельств. Просто у Пшемахо не обнаружилось склонности ни к чему другому, кроме грамоты, а конфессиональное образование открывало к ней дорогу: «Пшемахо пробовал овладеть ремеслом кузнеца – не получилось. Попытался проявить свои способности в торговле – безуспешно. Ему хотелось приобщиться к грамоте, стать писарем <...> Итак, Пшемахо Кешоков решил стать грамотным. Он уехал сначала в Малую Кабарду, потом в Адыгею учиться в медресе» [Кешоков 2007: 199]. Если не стремление к самосовершенствованию в духовном образовании, то уж точно усердие в овладении грамотой можно усмотреть в том, что Пшемахо отправляется в Адыгею и возвращается оттуда в звании эфенди.

Период работы Пшемахо по специальности оказался недолог, опять же, в силу обстоятельств: «Когда в одной из мечетей Шалушки освободилось место муллы, на него взяли моего отца. Казалось, теперь в доме будет достаток, но семье не повезло. Спесивый хаджи, совершивший паломничество ко гробу Магомета, публично оскорбил молодого муллу, и отец ударил его, сбил с ног и вывалял в грязи священную одежду хаджи, приобретенную в Мекке. За это отца не только сместили, но и отлучили от мечети» [Кешоков 2007: 199]. Иначе говоря, уже в дореволюционный период успела возникнуть некая дистанция между Пшемахо Кешоковым и мусульманством. И, конечно же, красноречивые штрихи к «теме ислама» добавляет то, что бывшие его однокашники по медресе предстают не в самом лучшем свете: «Отец подался за Терек к малокабардинцам в надежде, что ему помогут однокашники по медресе. Но оказалось, что некоторые из них занимаются вовсе не святым делом – связались с конокрадами» [Кешоков 2007: 199–200]. Писатель нигде не касается религиозных чувств

Пшемахо, не кидает камень в сторону религии, но мягко и ненавязчиво дистанцирует от нее образ своего отца.

Бросается в глаза, что в повести нет какого-либо перехода от «религиозного» периода в жизни Пшемахо к большевистскому. Он как-то сразу оказывается в эпицентре борьбы за власть Советов, и все остальное, о чем пойдет речь дальше, проходит через его жизнь уже под знаком нового миропорядка.

Однако этап, который предстал в столь сжатом и несколько размытом виде, сегодня можно конкретизировать хотя бы отчасти. Помимо всего, с чем привычно сопряжен образ этого человека – участник гражданской войны, один из первых авторов советской литературы кабардинцев, первых педагогов и большевистских деятелей – есть в его истории то, что заслуживает более пристального внимания: это принадлежность Пшемахо Кешокова к племени духовно образованных личностей, которым, как мы упомянули, выпало оказаться на стыке «прежнего» и «нового» миров. Вне идеологических клише, неизбежных в недалеком прошлом, этот аспект просматривается довольно ясно.

В 1989, ровно в год, которым датирован рассказ Алима Кешокова «Чье стремя мы держали», одна из дочерей Пшемахо, Марьян, повествуя об отце журналисту Луизе Оразаевой, дает понять, что его профессиональное образование было гораздо основательней, чем это привычно представлять: «Учился в медресе, Темирхан-Шуре, в Бухаре» [Оразаева 1989]. Совершенно однозначно говорит об исламской доминанте в жизни Пшемахо Кешокова и, главное, о роли, которую она сыграла на начальной стадии утверждения нового строя, Наталья Бальжатова. Исследователь напоминает о том, что мусульманские духовные деятели пользовались авторитетом в крестьянской среде, а потому были нужны большевикам: «Большевики в борьбе за власть стремились привлечь на свою сторону мелкое духовенство, сделать его своим союзником. Пшемахо Кешоков тоже принимал участие в революционных событиях. Но разделяя большевистские идеи, он оставался верным канонам мусульманской религии»^{*}. Сосуществование большевистской идеологии с исламом в тот период вполне непротиворечиво, и в этом свете показательны должности, которые, как подтверждает Н. Бальжатова ссылками на архивные документы, приходится на один короткий период биографии Пшемахо Кешокова – апрель 1920 г.: «Согласно «Списка должностных лиц Шалушинского сельского правления 3-го участка Нальчикского округа», эфенди Пшемахо Кешоков вошел в состав правления в качестве судьи шариатского сельского суда. А через три недели в селеении был образован революционный комитет – новый орган Советской власти, который подчинился Нальчикскому окружному ревкому. Председателем сельского ревкома избрали Кешокова»^{*}.

Можно заметить, что и в глазах односельчан Пшемахо Кешоков предстает как воплощение двух традиций, «сам в прошлом мулла, он теперь настойчиво агитирует односельчан учиться» [Коммодов 2014: 12], – упоминает Г. К. Коммодов, описывая историю организации комсомольской ячейки в селеении Ша-

^{*} Документы УЦГА КБР о Кешоковых // Druzya.Com Сайт музыки регионов Кавказа. URL: <http://druzya.com/documenty-ucga-kbr-o-keschokovyh.html> (дата обращения: 18.11.2013)

^{*} Там же.

лушка. Уместно также привести отрывок из романа Х. Х. Каширгова «Жизнь прожить – не поле перейти» (Къашыргъэ Хь. «ГъащIэр матэщIэдзакъым», 1988). Образ Пшемахо вырисовывается среди воспоминаний автобиографического героя о поре своей школьной учебы. Примечательно, как чутко герой улавливает «раньше и теперь» Пшемахо Кешокова, его одухотворенность в том и другом. Х. Каширгов показывает его в минуту, когда он предстал перед школьниками после возвращения из Москвы (позади Всероссийский съезд Советов и похороны В. И. Ленина): «Я хорошо знаю этого человека – Пшемахо. Когда-то его называли эфенди Пшемахо. А позже доводилось мне видеть его проходящим по нашей улице с револьвером на поясе. Он живет неподалеку от нас, в одном из дворов, что расположены напротив поляны. <...> Насколько помню, Пшемахо одет не в черкеску, а в какое-то длинное пальто. Раньше он казался мне кем-то вроде посланника пророка Мухаммада, о котором приходилось слышать так часто. А в этот момент мне подумалось, что он один из тех, кому оставил свои заветы Ленин. Оказалось, так и есть:

– Ленин завещал нам учиться, учиться и еще раз учиться. Мы обещаем, хоть и нет Ленина с нами, не отступать от завещанного им...

Пшемахо говорил еще долго. Он рассказывал нам о жизни Ленина.

Всеми силами мы принялись исполнять заветы Ленина. Теперь нас обучал Пшемахо» (перевод наш. – *И.К.*) [Каширгов 1988: 89].

Затрагивая «исламскую тему» в биографии Пшемахо Кешокова, нельзя обойти его публикации, где он так или иначе касается духовенства. Как известно, из написанного им мало что дошло до наших дней. Казалось бы, не совсем правильно судить о целом лишь по малым фрагментам, но, с другой стороны, и трактовать их упрощенно несправедливо, в особенности зная, что буквально несколькими годами ранее, еще до того, как большевизм стал проявлять какое-либо отношение к мусульманам, прогрессисты из их числа придерживались весьма решительных взглядов по отношению к религиозному мракобесию. Поэтому, думаем, не стоит улавливать в Пшемахо-публицисте черты антирелигиозника. В его заметках позиция человека, который хорошо разбирается в том, о чем говорит.

Как показывает А. Х. Хакуашев, среди заметок П. Кешокова, опубликованных в газете «Карахалк», тема духовенства звучит не раз. И примеры, которые он приводит, позволяют видеть критический настрой Кешокова: «Все муллы, проживающие в нашем селе, против нашей школы, они говорят так: «Не позволяйте учиться вашей молодежи, станут они гяурами, тогда все пропало!..» Их учеба муллам не по душе, так как если все люди станут образованными, им некого будет обманывать. Ведь если не будет мусульманских пожертвований, то что им останется: купить свисток и посвистывать?» (перевод наш. – *И.К.*) [Хакуашев 1989: 57]. Или такая заметка: «Не знаю, что с этим поделаться, мне кажется, это вообще непобедимо. Они говорят родственникам усопшего: «Вашего умершего избыют железной дубинкой, если вы не поручите мне искат (возмещение долга за пропущенные намазы усопшего. – *И.К.*)!». А те верят, продают единственную корову, несут деньги мулле, тот читает над ними молитву, а потом: «Вы ступайте, а я раздам их беднякам, как полагается», – гово-

рит им мулла, сходит на кладбище разок-другой, покажется людям на глаза, якобы за чтением молитв, а потом с легкостью и в крупной сумме прикарманивает чужие деньги. Не мулле надо относить эти деньги, а самостоятельно раздавать их неимущим.

Так вот, если бы мы одного лишь этого сумели их лишить, тогда бы они попались» (перевод наш. – *И.К.*). [Хакуашев 1989: 60]. Как видим, здесь Пшемахо Кешоков в деталях изобличает мулльские псевдоуслуги, и рекомендует, как правильно поступать с иском. Он не говорит, что все подобное – пережитки темного прошлого, которые пора отбросить, а поясняет, как избежать обмана. Понятно, что эти публикации приходится на период, когда началась борьба большевиков с духовенством (время газеты «Карахалк» – 1924–1931 гг.). Но вместе с тем, как мы уже отметили, изобличение обскурантизма и ранее было типично для риторики представителей мусульманской интеллигенции, настроенных на прогресс религии и связанной с ней системы образования. Пшемахо Кешоков имел достаточные знания касательно вопросов образования и религиозного культа, чтобы позволить себе подобные высказывания. И вряд ли при этом оказывался в лагере борцов с духовенством как таковым.

Вглядываясь в изображение той части биографии Пшемахо Кешокова, которая касается борьбы за Советскую власть, можно заметить почти будничность характер повествования об этом драматическом периоде. Вокруг образа Пшемахо, участника гражданской войны, не возникает ничего, даже отдаленно напоминающего ореол героя.

Если все, что было пройдено отцом ранее, могло быть известно автору лишь по рассказам других людей, то теперь он описывает то, что видел сам. Он видит это время в жизни отца сквозь тогдашнее свое мальчишеское желание ощутить дух опасности и героической борьбы. Ведь не случайно у отца, назначенного председателем сельского ревкома, появилась личная охрана – кабардинец с винтовкой, который неотступно следует за ним. И провожают отца на партсобрания, как на войну. Правда, оказывается, что стреляные гильзы, которые, по словам телохранителя, остались у него, когда он отбивался от бандитов, имеют, на самом деле, несколько иное происхождение: «На самом же деле он стрелял преимущественно на свадьбах, когда плясал мой отец, или во время унаиша, – торжественного ввода невесты в дом... » [Кешоков 2007: 200]. Немногим далее (глава «Холод учит ценить тепло») автобиографический герой рассказывает, что весной 1921 г., «отец, отправляясь работать в поле, непременно брал с собой винтовку» [Кешоков 2007: 220]. Сын всякий раз предвкушал стычку с бандитами, воображал, как отец сражает их меткими выстрелами, однако напрасно: «сколько раз мы с отцом ни выезжали в поле, бандиты не появлялись».

Отец-то, конечно, понимал, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, а мне было немножко жалко, я был уверен, что отец разогнал бы бандитов» [Кешоков 2007: 220].

Пшемахо в повести почти не высказывается. А когда высказывается, немногословен. Больше всего высказываний Пшемахо сосредоточено в том фрагменте главы «Фамилия», что представляет его в памяти односельчан. Здесь мо-

жет показаться, что бережная память окружающих – не что иное как инерция подобного же отношения к Пшемахо при жизни, но уже в главе «Холод учит ценить тепло» эта иллюзия развеивается. Непростые события времен гражданской войны словно фон, на котором обнажается скрытое в людях.

Тема просвещения, образования изначально обретает звучание в связи с Пшемахо. При том, что эта связь составляет один из лейтмотивов истории жизни Пшемахо, автор нигде не показывает ее крупным планом. Мы имеем крайне редкие и очень короткие сценки (типа учительства Пшемахо в ликбезе, его возвращение с краткосрочных курсов учителей), а в большинстве случаев – лишь попутные упоминания, вкрапленные в разнообразные события. Они пунктирно проходят через повествование: отец советует Баляцо отдать детей в школу, «чтобы их пальцы сдружились с карандашом и книгой»; обязывает Рашида вечерами учить Алима тому, что сам узнавал в школе; участвует в лингвистической комиссии, чем очень гордится; оставил ниву просвещения и страдает от этого...

Безусловно, автобиографический герой дает понять, что жизнь отца в революционный период была напряженной и насыщенной событиями: «В годы борьбы за Советскую власть отец был партизаном. После окончательного утверждения Советской власти в Кабарде его избрали первым председателем нашего сельского ревкома»; «отец становится учителем, учит в школе ребят на родном языке»; «отец возглавил в ауле борьбу с безграмотностью»; «отец стал в то время секретарем созданной в ауле партячейки», – в главе «Фамилия» обо всем этом рассказано коротко, совершенно без нагнетания драматизма. Более того, на фоне революционно меняющегося мира – тихие мечты Пшемахо о благоустройстве своего дома. Он всего лишь хочет вывести на крышу трубу, чтобы, согласно обычаю, по ней могли стрелять в день свадьбы сына. Об этом – не лишённые юмора его споры с женой:

«– А царю вот и трубы не помогли. Наш дом лучше царского дворца. В нем мы счастье обрели. Сам аллах велел не ломать его, пока сам не развалится.

Отец не очень настаивал:

– Как хочешь. Дом развалится – тебе первой быть под его развалинами. А к свадьбе сына трубу поставим. Пусть на свадьбе стреляют...» [Кешоков 2007: 201]. Автобиографический герой таким образом приостанавливается, успевая показать отца не только в потоке эпохальных событий и многогранных общественных ипостасей, а в будничном измерении. Забегая вперед, отметим, что для него будет важно не упускать это измерение из виду на протяжении всех эпизодов, связанных с Пшемахо, и, конечно же, это сказывается на восприятии его образа читателем. Завершая в главе «Фамилия» краткое изложение биографии своего отца, писатель опосредованно ассоциирует его с образами мудрецов из народных хабаров. Таков он в памяти односельчан. Таков он в почти идеальной картине его старости.

На склоне лет Пшемахо создает свой стройный мирок. В лад национальными традициям и в лад новому времени. Старик, ушедший на покой, должен сделать что-то полезное для аула – так заведено у кавказских народов. И Пшемахо строит «домик путника», что являет собой зародыш социализма: «Отец, находившийся всегда в гуще событий, будучи уже на пенсии, не хотел «даром»

брать деньги. Выхлопотал себе участок земли, прилегающий к магистральной дороге Нальчик – Пятигорск, и построил там «домик путника», а землю вокруг засеял бахчевыми. <...>.

О домике отца писали в газетах: зародыш социализма...

Однажды к «домику путника» завернул первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Бетал Калмыков. «Зародыш социализма» произвел на него впечатление. Бетал похвалил отца.

На бахчу к отцу часто приходили аульчане, старые и молодые. И каждый уносил отсюда в сердце слова, необходимые ему, мудрый совет, а то и предписание больному» [Кешоков 2007: 203]. Гармоничное, почти идиллическое завершение жизни, наполненной смыслом.

Такова развернутая экспозиция жизни Пшемахо Кешокова. В дальнейшем, как мы уже сказали, будут лишь прибавляться некоторые подробности. В этом отношении наибольшая степень детализации образа Пшемахо приходится на главы «Мать» и «Холод учит ценить тепло». И дело совершенно не в количестве упоминаний о нем. Вернее будет отметить, что именно через историю матери автобиографического героя происходит конкретизация личности Пшемахо. И здесь стремление избежать пафосности в изображении отца дает себя знать в полной мере. Мужество, смелость, бесстрашие – все это о матери, Куоз. Рядом с ней образ отца, при несомненной значимости всего, к чему он причастен, вырисовывается несколько приглушенно.

В пору учительства в ликбезпункте именно Куоз отвечает за безопасность Пшемахо. Темными зимними вечерами мать «сопровождала отца в ликбезпункт с винтовкой, хотя толком не знала, как из этой винтовки стреляют. <...> Однажды, увидев, как в темноте сверкнули обнаженные кинжалы, отец пулей вылетел в окно. А «личная охрана» отца – бесстрашная мать осталась в классе и бросила вызов бороатым ученикам:

– Подходите, кому жизнь надоела! Клянусь аллахом, выстрел из винтовки будет последним светом, который увидят ваши глаза» [Кешоков 2007: 205]. Образ Пшемахо, спасающегося бегством, мягко говоря, не дает оснований заподозрить автора в стремлении что-либо примыслить к нему.

Именно Куоз отчаянно встает на защиту Пшемахо, пока тот пытается прийти в себя от угроз родного брата:

«– Иди, выдай меня, а не своего брата! – вскричала она и выхватила из огня раскаленный вертел» [Кешоков 2007: 209].

Именно Куоз кидается спасать от гибели Пшемахо, когда его хватают абреки и ведут на расстрел.

Она, что называется, «ставит на место» бандита, устроившего обыск в ее доме с требованием выдать ее большевистского мужа. Она вся в порыве, решительных действиях и высказываниях.

Глубоко верующая, «читавшая по-арабски, знавшая наизусть Коран». Именно взгляд Куоз, прежде остальных, отражает то, что выделяет Пшемахо среди многих других – уровень его исламской образованности. Это обстоятельство вплетено в романтическую историю Пшемахо и Куоз. Некогда, обучаясь в медресе Адыгеи, Пшемахо посещал дом своих однокашников, братьев Куоз.

Они «устраивали своего рода состязания: кто больше знает стихов из Корана, лучше говорит по-арабски, лучше владеет искусством красноречия. Пшемахо нередко выходил победителем и был счастлив, ловя на себе восхищенный взгляд юной Куоз» [Кешоков 2007: 207].

Ей суждено намного пережить Пшемахо. Трепетность, которая чувствуется в том, как она следит, чтобы «ее место» возле могилы супруга никто не занял, и в том, что перед лицом смертельной опасности она идет к этой могиле и оставляет возле нее свой платок, придает образу Пшемахо нечто надмирное.

Суть литературного героя во многом определяется через тех, кто изображен рядом с ним. В этой связи известный литературовед Е. Фарино говорит о том, что конфигурации персонажей не бывают случайны, и что «рассматривая состав персонажей в произведении, следует различать их систематику на сюжетном уровне и систематику функциональную» [Фарино 2004: 118]. Становясь на эту точку зрения относительно автобиографического произведения, мы понимаем, что свобода в составлении конфигурации персонажей здесь сильно ограничена властью факта. Герой может быть показан лишь рядом с теми, с кем его сводила жизнь. Но, конечно же, автор всегда делает своеобразную выборку среди этих лиц. И здесь надо отметить, что в повести, помимо Куоз, рядом с кем-либо из индивидуализированных персонажей отец особо-то и не показан. Есть его краткие, весьма сдержанные реплики, которыми он обменивается со своим соседом Баляцо. Есть пунктирно изображенные реакции на поступки сыновей. Но при этом нет развернутого общения, которое позволило бы читателю заглянуть чуть глубже в суть характера Пшемахо. Тем не менее в плане конфигурации персонажей целесообразно учесть эпизоды, что связывают Пшемахо с крупными фигурами эпохи – Назиром Катхановым и Беталом Калмыковым.

Рассказывая о поездке отца в 1923 г. в Москву на Всероссийский съезд Советов, Алим Кешоков делает обширное отступление, в котором переключается на образ Назира Катханова, подробно повествуя о его доблести, заслугах перед народом, мировоззрении. Зримо и проникновенно предстает момент его присутствия на похоронах В. И. Ленина. Вероятней всего, Алим Кешоков опирался здесь на сведения и эмоции, что стали ему известны со слов отца: минуты нахождения Н. Катханова в траурном карауле, его скорбь. О симпатиях Пшемахо к Назиру Алим Кешоков прямо не говорит, нет. Тем не менее, бережное внимание отца и сына к деталям, касающимся личности Н. Катханова, лучше слов свидетельствует об их отношении к нему. Примечательно, что именно в ходе описания событий в Москве 1923 г. А. Кешоков позволяет себе охарактеризовать натуру своего отца. И Назир Катханов при этом рядом: «Мой отец по характеру был на редкость мягкосердечным и отзывчивым. Ему стоило огромных усилий сдерживать слезы, хотя вокруг никто не прятал слез. Но и ему не хватило воли, когда он проходил мимо одного здания, в котором, как видно, размещался детский дом. Из открытых форточек лилась музыка Шопена. Кто-то играл на рояле, а детишки заполнили оконные проемы и, прильнув к затянутым морозом стеклам, ревели. Не сдержал слез и Катханов» [Кешоков 2007: 231].

Примечательно также, что, показывая своего отца рядом с Н. Катхановым, Алим Кешоков считает важным упомянуть короткий эпизод, в котором некогда

сошлись все трое: Назир, Пшемахо и он сам. «Я помню Назыра Катханова. Он приезжал в Шалущку, и отец пригласил его к нам домой на обед. <...> Гость долго не сидел. Пока он благодарил мать за угощение, хвалил вкус «гедлибжи» – курицы в сметане, я, как этому меня учил отец, отвязал коня, подвел его поближе к гостю и приготовился повиснуть на одном стремя, чтобы седло не съехало набок, когда всадник будет садиться на коня (курсив наш. – И.К.)» [Кешоков 2007: 230]. Почти бытовая деталь. Но спустя годы в ней проступит символический смысл: навсегда ушедший мир, и в нем – взаимная обращенность друг к другу двух поколений. И, как мы видим, этот смысл писатель вынесет в название автобиографического рассказа – «Чье стремя мы держали».

Непосредственно рядом с Беталом Калмыковым Алим Кешоков своего отца не показывает, но успевает сказать немало об отношении Пшемахо к нему. Имя Калмыкова появляется в связи с опалой Пшемахо.

«Отец оставил ниву просвещения и страшно мучается оттого, что оказался не удел», – вспоминает это время автор. Мир, к возведению которого Пшемахо приложил столько усилий, предстает, будто отраженный в кривом зеркале. Многие из его вчерашних учеников вовсе не по назначению используют возможности, которые дарует им новое время. «Отец, остро чувствующий ответственность за поведение своих воспитанников, не скрывал отрицательного отношения к происходящему. Возник конфликт. Отца «вычистили» из партии и намекнули, будто сделано это с ведома Бетала Калмыкова.

Отец сказал:

– Я не пойду жаловаться к Беталу. Расскажите ему легенду. Ворона спросили: «За что ты клюешь своих птенцов? Ворон ответил: «За то, что они черные». Я не черный птенец, и он не черный ворон. Клевать друг друга мы не должны» [Кешоков 2007: 244]. Ответ, достойный умудренного жизнью человека. Пшемахо не ведется на эмоции, маскирует острые углы за поэтизмами, но в то же время дает понять, что ситуацию видит ясно. В свою очередь, поэтизмы маскируют тему, на которую не считает нужным выходить автор повести.

О том, насколько восхищенным было некогда отношение отца к Беталу, свидетельствует то, что Пшемахо сложил в честь него песню: «Песню о Бетале Калмыкове», сочиненную когда-то моим отцом, играли духовые оркестры во время праздничных шествий, исполняли в концертах – в присутствии Калмыкова и без него.

Отец и сам любил напевать эту песню в кругу друзей, был счастлив, когда те ему подпевали» [Кешоков 2007: 251]. При этом автор дает понять, что восхищение Пшемахо не вполне оправдывалось, и вновь поэтизм приходится как нельзя кстати: «Он находил оправдание любому шагу Калмыкова, даже если внутренне не одобрял его.

– Головной журавль волен выбирать путь, – говорил отец» [Кешоков 2007: 252].

Возвращаясь к биографии отца в рассказе «Чье стремя мы держали», Алим Кешоков отводит ей место на том отрезке повествования, который посвящен репрессированным писателям – Пшикану Шекихачеву и Туте Борукаеву. Некой смысловой смычкой между этими именами и Пшемахо становятся размышления автобиографического героя об участии исламски образованной интелли-

генции: «Когда в селах стали открываться школы, было собрано немало людей, окончивших медресе, знакомых с книгами, необходимо было обучить их так, чтобы каждый смог преподавать в школе своего села, и несколько лет подряд в летние месяцы они успешно проходили курсы, а к началу года возвращались и работали учителями. А позже, бог знает, чем они не устроили, стали их обвинять в исламской образованности, хотя всем было понятно, что иных путей для образования у адыгов не существовало: схватили массу таких, да и отправили вслед за Ибрагимом Тлигуровым, вместе с теми, кого окрестили кулаками и подкулачниками» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 539].

Алим Кешоков сосредотачивается в рассказе только на времени опалы Пшемахо, и здесь мы убеждаемся, как на самом деле была далека от действительности изображенная в повести идиллическая картина его старости. Он описывает последние дни Пшемахо. Как мы помним, в повести о них не сказано, смерть отца была упомянута мимоходом, в связи с плачевным состоянием родительского дома. Обращаясь к тем событиям в рассказе, писатель, конечно, не только доводит до конца начатое в повести, но использует возможность излить свою боль.

Это был период, когда Алим Кешоков находился по учебе в Москве. О том, что отец тяжело заболел, его не известили, Пшемахо не желал мешать учебе сына, да и надежду на выздоровление старался не терять: «Это обида подорвала твое здоровье, – вздыхала мать, только вот отец не соглашался, все думал, встанет, если немного отлежится. <...> По большей части находясь в тяжелом полузабытьи, лежал он во дворе под тенью раскидистой груши, шелестевшей над ним листвой» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 539]. В один из дней, когда больному стало чуть лучше, во двор Кешоковых явились зловещие «гости» из НКВД в сопровождении председателя Сельского совета – человека, как подчеркивает писатель, его отцу крайне неприятного. Явились вовсе не для того, чтобы проведать больного. Алим Кешоков, который не был свидетелем ситуации, воссоздает ее очень детально, проживая ее изнутри. Ни в одном из эпизодов повести, связанных с Пшемахо, не было ни детализации, ни эмоциональности, подобной той, что уместается в этом небольшом фрагменте. Он передает, как угасает едва промелькнувшая надежда на выздоровление, как нарастающий страх лишает отца последних сил. По сути, тяжелое состояние спасает Пшемахо от ареста. Об этой «удаче» его последние слова: «Наш отец, собрав остатки сил, еле приподнял голову:

– Дочь абадзехов (так он называл нашу мать), на мое счастье, конец моего земного пути совпал с моей гибелью. Если и помру сегодня, то без сожалений, даже оплакивать незачем. Отправьте весточку сыну. Немного осталось... – После этого отец уже не произнес ни слова» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 540].

Размышляя о судьбе своего отца, Алим Кешоков пытается ответить на вопрос, который, по его словам, задавали многие: «Конфессионально образованных людей, подобных твоему отцу, схватили и уничтожили, остались единицы, что же спасло твоего отца?» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 540]. Отец с оружием в руках воевал за новую власть, – берется объяснять писатель, но, ко-

нечно же, прекрасно осознает слабость такого аргумента: ниже он еще остановится на том, как обошлись с шариатистами и профессионально образованными людьми, хоть и были те главной опорой при установлении власти Советов.

Алим Кешоков больше склоняется к тому, что охранительную роль в жизни Пшемахо Кешокова сыграла песня о Бетале Калмыкове: «Наверно, не осталось в нашем крае ни одной школы, где бы не исполняли эту песню, также и в училище, что располагалось в Нальчике, даже во время всяких демонстраций звучала ее мелодия. Исполнять эту песню стало бы невозможно, если бы отца посадили, ведь и слова, и музыку сочинил он» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 541]. Правда, позднее, уже когда отец был на пенсии, «песня постепенно стала забываться, и, в конце концов, наши фольклористы решили приписать ее авторство Индрису Кажарову» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 541].

Здесь же автор довершает картину старости Пшемахо. То, что в повести было выражено словами «оставил ниву просвещения», на самом деле было отстранением Пшемахо от педагогической работы, а история «домика путника» была поведена лишь отчасти: «Да, Калмыков не обошел вниманием нашего отца. Во время партийных чисток выкинул его из партии, снял с заведования школой, и остался он в селе при мизерной пенсии, взял небольшой участок земли у дороги, засадил его арбузами, организовал небольшой домик для путников, чтобы они могли здесь перевести дух, отведать арбузов. Он считал, что и это социалистическое дело, однако вскоре участок у него отобрали, и остался он не у дел...» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 541].

Выше мы говорили о значимости окружения, которое автор считает необходимым показать возле своего героя. Примечательно, что в этом небольшом произведении нашлось место для подобного. В детстве автобиографического героя рядом с отцом показан человек, долгое знакомство с которым без лишних пояснений свидетельствует об интеллектуальных и духовных симпатиях Пшемахо – учитель Ибрагим Глигуров, один из ярких представителей исламски образованной интеллигенции: «... когда за мной приходил отец, он обязательно встречался с Ибрагимом и беседовал с ним. Мне было ясно, что эти двое знакомы уже давно, однажды мы даже пошли втроем в ателье и сделали фото. И еще мне казалось, что благодаря дружбе с моим отцом, Ибрагим относится ко мне лучше, чем к остальным» (Перевод наш. – *И. К.*) [Кешоков 2006: 519].

Подытоживая свои наблюдения, мы можем говорить о том, что в повести «Вид с белой горы» автор затрагивает события из биографии Пшемахо по касательной. Представив развернутую экспозицию жизни отца в главе «Фамилия», он отклонится от нее лишь раз – когда упомянет о вычистке его из партии. Кроме этого момента, все остальное, в общем-то, вполне гармонично дополняет подробностями то, что было намечено в начале.

Как мы сказали во вступительной части нашей работы, речь идет о личности, значимой в собственной истории писателя и истории социума. Это предопределяет оценку человека с двух ракурсов. Но вместе с тем надо понимать, что в названных произведениях оба ракурса удерживаются одним человеком, и этот человек – его сын. Он показывает общественную сторону жизни Пшемахо не вдаваясь в детали, но и не упуская, во всяком случае, ее основные звенья.

Что же касается другой, сыновней, позиции, то не может остаться незамеченной и не вызвать восхищения абсолютная индифферентность автора к идеализации, приукрашиванию образа родного человека, сыгравшего колоссальную роль в становлении его самого.

Фрагмент, посвященный отцу в рассказе «Чье стремя мы держали», составляет неполные две страницы. Воссоздавая лишь один биографический отрезок, он успевает переставить ряд ценностных акцентов в истории отца, показать трагедию его жизни. По-иному звучит «исламская» тема, иначе предстает картина старости Пшемахо, да и вообще судьба его встраивается в иной ценностный ряд – туда, где звучат имена Пшикана Шекихачева, Туты Борукаева, Ибрагима Глигурова.

Достаточно взглянуть на годы издания обоих произведений, чтобы подойти к выводам о ценностных ориентациях писателя. Шестнадцать лет, разделяющие повесть и рассказ, – не столь большой срок, однако бесспорно, что 1973 и 1989 г. вписаны в совершенно непохожие друг на друга социально-исторические, а стало быть, и духовные контексты.

Что касается времени появления повести «Вид с белой горы», оно приходится на период, называемый «эпохой застоя». В это время идеологические рамки, задающие художественный и смысловой вектор восприятия исторических событий и лиц – реальность устойчивая и авторитетная, хотя не следует забывать, что в этой реальности имелись свои оттенки. Писатель и литературовед Ю.Б. Борев, детально прослеживая историю развития социалистического реализма по сравнительно небольшим хронологическим отрезкам, отмечал в отношении 1964-1984 гг. постепенное переосмысление утвержденного соцреалистическим официозом соотношения общего и частного: «Сквозь трескучие лозунги служения «счастливому будущему» начинает пробиваться идея самоценности человека», – заключает он [Борев 2008: 357].

Что касается периода появления рассказа «Чье стремя мы держали» – деидеологизация общественного сознания уверенно набирает обороты. Государственным курсом становится перестройка. Утверждается политика гласности, становятся доступными для обсуждения многие ранее замалчиваемые факты отечественной истории и культуры. В духовной жизни страны наступает эпоха переосмысления, по преимуществу – критического. Сказать, что с обретением свобод перестроечного времени ценностная система автора рассмотренных произведений эволюционировала, наверное, было бы не совсем корректно, скорее, она обрела легитимность выражения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Борев 2008 – *Борев Ю.Б.* Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – 478 с.

Кажарова 2022 – *Кажарова И.А.* Былое в схождении двух автобиографических произведений одного писателя: «Вид с Белой горы» и «Чье стремя мы держали» А.П. Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 199-213. – DOI: 10.31143/2542212X-2022-2-199-213. EDN: FTVOAN.

Каширгов 1988 – *Каширгов Х. Х.* Жизнь прожить – не поле перейти. Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 208 с.

- Кешоков 2006 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Корни: Роман; Новеллы. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 552 с.
- Кешоков 2007 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Рассказ; Повести; Пьесы. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 544 с.
- Коммодов 2014 – *Коммодов Г. К.* В реке времени. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2014. – 208 с.
- Оразаева 1989 – *Оразаева Л.* Учитель: о П. Кешокове – председателе Ревкома, секретаре партячейки, учителя, открывшем первую школу в Шалушке // Советская молодежь. 1989. 24 февраля.
- Фарино 2004 – *Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
- Хакуашев 1989 – *Хакуашев А. Х.* Пшемахо Кешоков // *Iuashch'emaхуэ.* – 1989. – № 4. – С. 54-61.

REFERENCES

- BOREV YU.B. Sotsialisticheskii realizm: vzglyad sovremennika i sovremennyi vzglyad [Socialist realism: a contemporary view and a modern view]. – Moscow: AST: Olimp, 2008. – 478 p. (In Russ.).
- FARINO E. Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie [Introduction to Literary Studies: Textbook]. – St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004. – 639 p. (In Russ.).
- KASHIRGOV KH. KH. Zhizn' prozhit' – ne pole pereiti. Roman [To live life is not a field to cross. Novel]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 208 p. (In Kabardian).
- KAZHAROVA I.A. Byloe v skhozhdanii dvukh avtobiograficheskikh proizvedenii odnogo pisatelya: «Vid s Beloi gory» i «Ch'e stremya my derzhali» A.P. Keshokova [The former convergence of two autobiographical works by one writer: «The view from the White Mountain» and «Whose stirrup we held» by A.P. Keshokov]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya».* – 2022. – № 2. – P. 199-213. DOI: 10.31143/2542212X-2022-2-199-213. EDN: FTVOAN. (In Russ.).
- KESHOKOV A.P. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 5. Kornii: Roman; Novelly [Collected works: In 6 vols. Vol. 5. Novel; Short stories]. – Nalchik: El'brus, 2006. – 552 p. (In Russ.).
- KESHOKOV A.P. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy [Collected works: In 6 vols. Vol. 6. Short stories; Novellas; Plays]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 544 p. (In Kabardian).
- KHAKUASHEV A. KH. Pshemakho Keshokov [Prshemakho Keshokov]. IN: *Iuashchkh'e-makhue.* – 1989. – № 4. – P. 54-61. (In Kabardian).
- KOMMODOV G. K. V reke vremeni [In the river of time]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh («Poligrafservis i T»), 2014. – 208 p. (In Russ.).
- ORAZAEVA L. Uchitel': o P. Keshokove – predsedatele Revkoma, sekretare partyacheiki, uchitele, otkryvshem pervuyu shkolu v Shalushke [Teacher: about P. Keshokov - chairman of the Revolutionary Committee, secretary of the party cell, teacher who opened the first school in Shalushka]. IN: *Sovetskaya molodezh'.* 1989. 24 February. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 30.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.